

Здравствуй любезный другъ мой Софья Алексеевна.

Пишу, не зная, дойдетъ ли это письмо до Васъ, но моя честь и Ваше отношеніе
ко мнѣ, не позволяетъ поступить иначе. Я надѣюсь, у Васъ получилось добраться
до Франціи, какъ Вы хотѣли. Тогда въ Одессѣ, въ 1919 году, Вы говорили, что это
единственный выходъ для Васъ... для насть. Я слушалъ Васъ, соглашался, но
понималъ, что никогда не смогу покинуть эту страну... свою Родину, въ это время,
когда я ей нуженъ. Нуженъ, навѣрное, такъ, какъ не было нуженъ никогда.

Пишу я Вамъ изъ Крыма, если быть болѣе точнымъ - изъ города Переясполь.
Послѣ Одессы, гдѣ мы съ Вами встрѣтились въ этой забытой Богомъ гостиницѣ
подъ яркимъ названіемъ «Неаполь», я вернулся на Донъ, откуда и попалъ въ
Крымъ съ корпусомъ генерала Слащева... нашего генерала Яши, какъ прозвали его
солдаты. Другъ мой Софья Алексеевна, даже если бы я захотѣлъ, я не смогъ бы
описать того, что намъ вѣмъ пришлось пережить, что мы переживаемъ сейчасъ,
понимая, что исходить у всего этого только одинъ... гибель. Гибель страны, гибель
надежды. И еще страшнѣе понимать, что смерти близкихъ, смерти тѣхъ, кто
хотѣлъ остановить это, были напрасны. Большевизмъ хуже чумы... страшнѣе
чумы... отъ него нельзѣть лѣкарствъ, онъ можетъ только самъ себя погубить. На
что я очень надѣюсь, даже понимая, что я этого точно не увижу. Опять
стремѣльба... извините, вынужденъ прерваться.

Очередная вылазка краснаго быдла - языки не поворачиваются назвать ихъ
другимъ именемъ. Много зла они принесли на эту землю, много зла еще принесутъ
въ этотъ миръ. Много зла они принесли и въ мою жизнь...

Вы же Софья Алексеевна навѣрняка помните мою сестру Нину. Когда мы съ
Вами видѣлись въ Одессѣ, у меня не было отъ нее никакихъ извѣстий уже больше
двухъ лѣтъ. Такъ вотъ, нѣсколько недѣль назадъ ко мнѣ подошла дама, Алина
Аркадьевна Вересова, изъ мѣстныхъ. Насколько я понялъ - поэтесса. По крайней
мѣрѣ (не будучи большими знатокомъ поэзіи), мнѣ нравится слушать, какъ она
читаетъ стихи, особо не вдаваясь ей ли это стихи... зачѣмъ, въ сущности, мнѣ это
знать...

Такъ вотъ, она сказала, что узнала меня. Я предположилъ, что мы раньше
встрѣчались, а она сказала - нѣтъ, я видѣла Васъ на фото у Вашей сестры. Софья
Алексеевна... она видѣла Нину!

Что было у меня въ головѣ въ этотъ моментъ - одному Богу извѣстно... вѣдь послѣ потери родныхъ во Владикавказѣ въ 1918 году, послѣ этой страшной рѣзни, въ которой уничтожили вѣсъ мой родъ, Нина была единственнымъ оставшимся у меня близкимъ человѣкомъ. Такъ вотъ Алина Аркадьевна сказала, что послѣдній разъ она видѣла Нину въ Воронежѣ, гдѣ они вмѣстѣ помогали въ госпиталѣ. Она даже попыталась узнать: можетъ, Нина до сихъ поръ тамъ? Но иѣкій врачъ Николай Песковъ изъ этого госпиталя отвѣтилъ, что Нина уѣхала изъ Воронежа, до того, какъ городъ заняли красные.

Это вселяетъ надежду, что она жива, что у нее получилось либо уѣхать изъ Россіи, либо... даже не знаю, что еще могло ждать эту дѣвочку....этотъ дидинъагъ (цвѣтокъ) моей жизни. Я не знаю, какъ она оказалась въ Воронежѣ. Можетъ, ей помочь старикъ Ваулинъ, Вы должны его помнить, онъ былъ моимъ ротнымъ офицеромъ въ Михайловскомъ кадетскомъ корпусѣ. И это его племянника Владимира мы съ Вами опекали въ 1916 году въ Петроградѣ, когда онъ на каникулахъ попалъ въ самое пекло начала этой страшной смуты. Андрей Николаевичъ забирая Володю обратно въ Воронежъ, говорилъ, что теперь онъ мой должникъ. Вотъ я и думаю, можетъ, это онъ увезъ Нину въ Воронежъ?

Дѣти... какъ страшно видѣть, Софья Алексѣвна, какъ страдаютъ дѣти. Вокругъ столько сиротъ! А сколько ихъ гибнетъ! Гибнетъ порой глупо, чащѣ ни за что. Сколько кадетъ, юнкеровъ погибло у меня на глазахъ. Сколько ихъ я не уберегъ! это не даетъ спать по ночамъ, это то, что будетъ преслѣдовать меня до конца моихъ дней. Они вѣрили намъ, вѣрили, а мы ихъ не уберегли. Сколько семей, сколько родовъ прервалось на этой страшной и глупой войнѣ. Они всѣ у меня передъ глазами. Я не помню лицъ враговъ, которыхъ я убивалъ, они меня не тревожатъ. А вотъ эти дѣти стоятъ передо мной. И когда-то мы съ ними встрѣтились, и мнѣ придется - намъ придется! - дать имъ отвѣтъ, почему вышло именно такъ. Почему ихъ смерть потеряла свой смыслъ?

Рядомъ со мной сейчасъ воюетъ капитанъ Волковъ Дмитрій Ивановичъ. Такъ вотъ, съ нимъ рядомъ его сынъ Андрей. Андрюша смѣлый и отважный, въ 1918 онъ съ кадетами старшихъ классовъ, унеся съ собой кадетское знамя, сѣжали на Донѣ. Тамъ и встрѣтилъ отца.

Знаете, Софья Алексеевна, смотря на него, я вспоминаю, какъ мой дядя Серго рассказывалъ мнѣ о сынѣ полковника Ржевскаго Сергеѣ. Эти бѣти могли стать гордостью Россіи, а стали ея изгоями.

Если говорить о моихъ сослуживцахъ, то мнѣ съ ними повезло. Я было принялъ предложеніе начальника контрразведки подполковника Триценко о переходѣ въ его вѣдомство. Но быстро понялъ, что даже при моей лютой ненависти къ большевицамъ, заниматься тѣмъ, чѣмъ занимается контрразведка - это не по мнѣ. Хотя, какъ бы это страшно не звучало, мнѣ доставляетъ истинное удовольствіе принимать участіе въ разстрѣлахъ, проводимыхъ контрразведкой. Вотъ такъ, другъ мой Софья Алексеевна, мое желаніе служить отечеству, защищать его - переросло въ желаніе убивать.

Изъ контрразведки я вернулся въ Корниловскій ударный полкъ, которыемъ нынче командуетъ подполковникъ Ивановъ Алексѣй Владимировичъ. Это доблестный, грамотный офицеръ, Два дня назадъ при штурмѣ Перекопа онъ лично возглавилъ конную атаку, что нынче большая рѣдкость.

А видѣли бы Вы, другъ мой Софья Алексеевна, штабс-капитана Вяземскаго! Вотъ настоящий образецъ русскаго воинства! Отчаянно смѣлый и благородный человѣкъ, онъ мнѣ чѣмъ-то напоминаетъ меня во время службы въ Конвоѣ Его Императорскаго Величества. У него пока еще есть блескъ въ глазахъ. Я провожу много времени въ бесѣдахъ съ нимъ о прошломъ, настоящемъ и будущемъ. И понимаю, что онъ все видитъ правильно. Онъ, такъ же, какъ и я, да, какъ и многие вокругъ, понимаетъ самъ фактъ нашего пораженія. Но, въ отличіе отъ насть онъ вѣритъ, что дисциплиной и порядкомъ еще что-то можно повернуть вспять. И знаете, это убѣжденіе спасло немало жизней его подчиненныхъ и солдатъ. Увы, сейчасъ порядку и дисциплинѣ удѣляютъ все меньше и меньше вниманія - такое нынче, навѣрное, время для всѣхъ настъ.

Рассказывая обо всѣмъ этомъ, я оттягиваю то главное, ради чего и рѣшилъ Вамъ написать. Я женился... понимаю, что никогда ничего Вамъ не обѣщалъ, и ничего не требовалъ отъ Васъ, что могъ бы не писать Вамъ объ этомъ, но не могу съ собой совладать. Я знаю, что Вы испытывали ко мнѣ чувства, знаю, что своей женитьбой я, возможно, разрушилъ какое-то Ваши надежды.

Но я - въ 40 лѣтъ, будучи твердо увѣреныи мъ въ томъ, что если этого не случилось до сихъ порь, теперь не случится никогда - встрѣтилъ ту, съ которой хочу прожить остатокъ своихъ дней. Вы всегда горевали о томъ, что я одинокъ, что нѣть у меня тѣхъ, кто меня ждетъ дома. Можеть, поэтому и пишу Вамъ... Хочу вѣрить, что прочтя это письмо, Вы простите меня и, возможно, Васъ успокоить то, что я пересталъ быть одиночкой волкомъ.

Можеть, и я освобожу Васъ отъ какихъ-то надеждъ, которые мѣшаютъ Вамъ наладить свою жизнь. Вѣдь такая Женщина какъ Вы достойна лучшей доли, чѣмъ ждать. Хотя, можеть, я излишне самоувѣренъ, и Вы уже давно замужемъ и счастливы, домъ Вашъ полонъ дѣтишекъ и любящій мужъ далъ Вамъ то, что не смогъ или не захотѣлъ дать Вамъ я.

Её зовутъ Софія Николаевна, урожденная Шабалина. Моя Софія, моя яркая звѣздочка на черномъ небосклонѣ моей жизни. Хрупкая, юная, но не по годамъ серъезная. Я замѣтилъ её, приходя въ госпиталь по служебнымъ дѣламъ. Она служитъ медсестрой, но её врачебный опытъ позволяетъ ей оперировать. Это особенно важно въ то время, когда не хватаетъ врачей, а модей, которыми нужна помощь, меньше не становится. Насъ познакомилъ главный врачъ госпиталя Снѣговъ. Не сказать, что я сталъ её опекать, но оказывать ей знаки вниманія, помогать, было очень приятно. Я видѣлъ, какъ она на меня смотритъ - или мнѣ казалось, что я это вижу. Вѣдь то, что она мнѣ очень дорога я понялъ, когда самъ - да, Софья Алексѣевна, самъ! - позволилъ ей пойти на вѣрную гибель. Какъ она меня уговарила не противиться этому, я до сихъ порь не понимаю. А вышло, дорогая Софья Алексѣевна, слѣдующее...

До меня дошли свѣдѣнія, что командованіе красныхъ подъ Переяславомъ возглавляетъ нѣкій Еленскій. Я былъ знакомъ въ свое время съ Еленскимъ Сергеемъ Петровичемъ. Это было во время Переяславского восстания 1918 года, когда большевики уничтожали наши сѣла, вырѣзали наши семьи. Онъ помогъ мнѣ вывезти изъ станицы Бургустанскої мою дзіуаргинъ мадѣя (крестную мать) Мадину съ семьей. Правда, прожили они послѣ этого всего одинъ день, попавъ подъ разъѣздъ красныхъ, которые просто зарубили ихъ шашками. Господи какъ же я ихъ ненавижу, но я узналъ обѣ этомъ много позже, а въ тотъ моментъ я сталъ его должникомъ. А Вы понимаете, что значитъ долгъ для моего народа.

Такъ вотъ, узнавъ, что Еленскій рядомъ, я захотѣлъ убѣдиться, онъ ли это. Когда была назначена встрѣча для обсужденія условій обмѣна пленными, я вызвался сопровождать подполковника Иванова.

Мы узнали другъ друга сразу, и пока шелъ разговоръ, часто смотрѣли другъ другу въ глаза, словно пытались понять - чего ждать отъ этой внезапной встрѣчи? Вернувшись въ городъ, я еще какое-то время думалъ объ этомъ свиданіи. Мне казалось, что во взглядахъ Еленского я прочиталъ «намъ надо поговорить». И когда нашъ постъ привелъ крестьянку, у которой нашли письмо, адресованное мнѣ, я понялъ, что не ошибся.

Въ письмѣ Еленскій писалъ, что узналъ меня, что помнитъ нашу предыдущую встрѣчу и хотѣлъ бы увидѣться. Конечно, ко мнѣ было много вопросовъ послѣ прочтенія этого письма контрразвѣдкой, но моя безупречная репутація помогла мнѣ. Сама ситуация сыграла свою игру со всѣми нами. Такъ совпало, что въ этотъ моментъ Софія за моей спиной уговорила начальника контрразвѣдки Триценко, послать ей къ краснымъ съ диверсіей. Какъ врачъ, она попала бы въ госпиталь работать, и могла уничтожить лѣкарства или заразить больныхъ чѣмъ-то. И онъ ухватился за эту идею... для него люди - это размѣнная монета. Хотя, можетъ, поэтому у насъ такъ хорошо и работаетъ контрразвѣдка. Ну да Богъ ему судья, мы всѣ въ крови по самое горло, и всѣмъ намъ придется за это отвѣтить - и бѣльямъ, и краснымъ.

Я утверждалъ, что задуманное ими - безуміе! Но меня поддержали только штабс-капитанъ Вяземскій. Какое-то время намъ удавалось сдерживать порывъ Софіи. Конечно, мы всѣ понимали ея мотивы: отца заколола штыками пьяная матросня въ Петроградѣ осенью 1917. А вѣдь онъ былъ врачомъ, хирургомъ и всю свою жизнь посвятилъ спасенію чужихъ жизней! Прошелъ германскую - и такъ незаслуженно страшно закончилъ свой путь.

Узнавъ о письмѣ Еленскаго, Софія какъ будто потеряла разсудокъ. Она плакала, умоляла меня не препятствовать ея желанію, даже ругалась! И я сдался. Я написалъ письмо Еленскому и назначилъ ему встрѣчу на нейтральной полосѣ. А Софія начала готовиться. Собрала нѣкоторое количество лѣкарствъ, которые должны были хоть немного подтвердить ея добрые намѣренія, и сложила въ какой-то изъ своихъ медицинскихъ ящикихъ тряпку, зараженную «испанкой».

Надо сказать, что ей удалось впоследствии заразить немало красныхъ и это сыграло немалую роль въ томъ, что штурмъ Переяслава мы отбили. Конечно, мы не выиграли этимъ войну... но мы выиграли время для тѣхъ, кто покидаетъ Россію за нашей спиной.

Опять мысли сваливаются въ пропасть философіи. Простите, другъ мой Софья Алексеевна, постараюсь быть болѣе краткимъ.

Я вызвался отвести на разстрѣлъ крестьянку, которая передала мнѣ письмо отъ Еленского, по пути дальъ ей свое письмо и посланіе на словаѣ. Потомъ просто отпустилъ. Конечно, пришлось выслушать много нелестныхъ словъ въ свой адресъ отъ подполковника Иванова, да при огромномъ количествѣ людей... Но это было частью плана, вѣдь мы не знали сколько шпионовъ-большевиковъ рядомъ съ нами.

Я не зналъ, повѣрить ли Еленской моему письму и придетъ ли на встрѣчу.... онъ пришелъ. Правда, за нѣсколько минутъ до его появленія, къ мнѣ подошелъ дозоръ красныхъ, разоружилъ и... признался, я уже началъ молиться про себя, понимая, что вотъ сейчасъ, вотъ здѣсь, даже не унеся съ собой еще нѣсколько этихъ упырей, закопчу свой путь. Но тутъ прибѣжалъ Еленской - оказалось, онъ просто упустилъ за кучей дѣлъ, что оговоренное время уже подошло. Отправивъ своихъ людей, онъ предложилъ выпить за встрѣчу.

Мнѣ казалось, что это происходитъ не со мной. Онъ сидѣлъ рядомъ, я могъ застрѣлить его, могъ выхватить кинжалъ и заколоть. Но я не сдѣлалъ этого! Почему - и самъ не знаю.

Онъ много говорилъ, объясняя мнѣ, почему и какъ онъ, офицеръ царской арміи, перешелъ на сторону большевиковъ. Нѣть, Софья Алексеевна это была не агитация. Это была исповѣдь уставшаго человѣка, потерявшаго себя въ своемъ прошломъ, и не нашедшаго себя въ своемъ настоящемъ. Онъ сказалъ, что сталъ забывать, какъ выглядитъ просто небо, голубое небо безъ дыма отъ разрывовъ и пожарищъ. Мнѣ стало даже немного его жаль.

Онъ мнѣ повѣрилъ. Повѣрилъ, что моя невѣста уговорила меня уйти къ большевикамъ, но я, понимая, что мнѣ всѣ равно не простятъ того, кѣмъ я былъ, хочу чтобы она ушла одна и прошу его мнѣ помочь въ этомъ. Онъ согласился, и я виѣлъ, что онъ искрененъ въ желаніи помочь.

Я никогда не блистала актерским мастерством, даже в Кадетском корпусе не взяли в театральный кружок, сказав, что так выступать можно только перед лошадьми на конюшне. А он мне поверили. Мы договорились встретиться на этом же месте через час.

Вернувшись в Переяславль, я снова попыталась отговорить Софию, но она не отказалась от своих намерений, а я опять проявил слабость. И мы отправились на встречу.

Сергей пришел один. Он дал нам проститься, София плакала, умоляла уйти с ней. Я уже перестал понимать, говорить ли она искренне или играет перед Еленским свою роль. Я просто перестал сопротивляться. Я, как и договорились пообещал ей догнать ее на днях, и попрощавшись с Сергеем Петровичем ушел в Переяславль.

И уже будучи в Переяславле я дал волю своим чувствам, я нашел в себе силы выслушать все, что про это думал Вяземский, и не нахамил ему при этом. Я написал... Хотелось бросить все и бежать за ней, бежать - если не спасать, так хоть умереть рядом. Я уже начал собираться, но тут шум, и в здание штаба вбежала София. Волосы ее были растрепаны, глаза горели, каким-то нереальным, нечеловеческим огнем. Она упала без чувств, успев только прошептать: «У меня получилось...»

Когда мы привели ее в чувство, она рассказала, что успела заразить солдат в госпиталь, и уничтожить практические все лекарства. Она никак не могла понять, почему они не погнали ее за ней, когда она убежала. Но случилось, как случилось.

Я прижал ее к себе, пытаясь успокоить. А она вдруг, вспомнивши своими хрупкими пальчиками мишка в спину, и подняв к нему свое милое, дорогое лицо прошептала: «Я больше никогда с тобой не разстанусь...»

Я еще силы прижал ее к себе, просил простить меня... И вот тогда, Софья Алексеевна, я понял, что без этой женщины, моей жизни и такой потраченной впустую в этой смуте, потеряется последний смысл. Я поцеловал ее и сказал, что сама никуда и никогда ее не отпущу. И сделал предложение.

Вы, возможно, спросите, люблю ли я ея... Она любить меня. Я не могу безъ нее жить, наслаждаюсь каждымъ мигомъ, проведеннымъ рядомъ съ ней. Это любовь? Для меня это больше, чѣмъ любовь.

Вечеромъ того же дня былъ штурмъ Перекопа красными. Жестокій штурмъ, Еленскій бросилъ противъ насть всѣ имѣющіеся у него силы. Но мы выстояли.

Сердѣя взяли въ пленъ, я видѣлъ его въ госпиталѣ. Подошелъ къ нѣму – зачѣмъ? не знаю. Можетъ быть, будь онъ въ сознаніи, я бы заговорилъ съ нимъ, а таکъ я просто посмотрѣвъ на него, и ушелъ.

Вечеромъ была свадьба, Софія сіяла и была счастлива. Былъ священникъ и много гостей. Я думаю, это были послѣдній праздникъ на этой землѣ, въ нашей Россіи. Мы отступаемъ, теряя всѣ больше и больше своихъ людей. Смерть ходить рядомъ, совсѣмъ рядомъ. Было время, когда я самъ ея искалъ, но сейчасъ я не одинъ. Миѣ єсть, кого отъ нее оберегать, и єсть ради кого беречь себя.

Другъ мой, Софія Алексѣевна, я не знаю, нужно ли Вамъ это письмо, имѣю ли я право таکъ болыно еще разъ Васъ ранить. Но что-то внутри меня толкаетъ меня на то, чтобы отправить его Вамъ. Я не знаю – и, навѣрно, никогда не узнаю – что Вы станете обо мнѣ думать, прочитавъ это посланіе, но я его отправлю. Всѣ должно имѣть свое начало и свое окончаніе. Вотъ пусть и это письмо закроетъ для Васъ и для меня исторію нашего знакомства. А можетъ, и исторію моей жизни. Вѣдь одному Богу извѣстно, что ждентъ меня завтра, черезъ часъ, а можетъ, и въ слѣдующую минуту.

Остаюсь искренне Вашъ Георгій Гергоевъ

Георгий Гергоевъ

5 ноября 1920 года